

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редактора

ШОРИН Ю. От Рюрика до наших дней 2

1150-летие Российской государственности

ШОРИН Ю. Смоленск: древние послания в камне 3

КУПЧЕНКО К. Избирательные процедуры по формированию органов городского самоуправления Смоленщины в XVIII – начале XX веков 8

БЕСПАЛЕНКО Е. «Даровые и ответственные исполнители», или О службах купечества Смоленского края в XVII-XVIII веках 11

МИЦЮК Н. Между молотом и наковальней: рождение женского училища в Рославле 16

СИДОРОВА Т. Скульптор державы Российской 21

ПИКАЛОВА Н. Советские учреждения Западной области: кадровые назначения и хозяйственные заботы 25

НОВОСЕЛЬЦЕВА Т. Региональная власть в 20-50-е гг. XX в.: развитие советской государственности в Смоленской (Западной) области 29

ШУНИН В. История Смоленщины: взгляд статистиков и краеведов / беседовала Н. Деверилина 32

Конференции

АСКЕРКО Л. «Ржевско-Вяземский выступ: 70 лет спустя» 34

Памятники Смоленщины

ЗАВИРОВА Т. Храним благодарную память 35

Просвещение и образование

КОНШИН Н. Возрождение традиций русской музыки в школе С.А. Рачинского 37

Выставки

СЕМЕНОВА Т. Я верен голосу природы 41

Изыскания

РОМАНКОВА Н. Залоговое состояние помещичьих земель Бельского уезда Смоленской губернии в 1862-1868 годы 42

Воспоминания

ЕВТИХОВ А. Кое-что из моей жизни 46

Биографическая летопись

ЛАПИКОВА А. В поисках красоты 49

СЕМЕНОВА Т. Ей есть чем гордиться 51

Книжная полка 52

Редакционная коллегия:Юрий Шорин,
главный редакторЛеонид Степченков,
заместитель главного редактора**Иллюстрации на обложке:****1-я стр.** Открытие памятника «Тысячелетие России» в Новгороде в 1862 году. Художник Б.П. Виллевальде, 1864 г.

Фрагмент памятника М.О. Микешина «Тысячелетие России» в Новгороде.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:214000, г. Смоленск,
ул. Октябрьской революции,
14-а, ком. 301.
Тел. (4812) 38-61-10
E-mail: kraismol@mail.ruОтпечатано в ОАО
«Смоленская городская
типография»,
г. Смоленск, ул. М. Жукова, д. 16,
тел.: (4812) 38-28-65, 59-99-07
Печать офсетная.
Усл. печ. лист 6,5
Заказ № Тираж 400 экз.

КОЕ-ЧТО ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

Воспоминания старого дорогобужанина

(Продолжение. Начало в №№4-5, 2012 г.)

Артемий Евтихов

(1867-1952)

Военная служба (1886-1892 гг.)

Мы высадились из вагона. На вокзале оказалось большое скопление пассажиров, суевившихся и мешавших нашему проходу. Выбравшись из этой гущи-толкучки, мы отправились в центральную часть города, в указанное нам в документах место. Расспрашивая встречных прохожих, явились куда положено. Нас встретили военные люди, по заявлению кто мы. Они разместили нас сейчас же в особом казарменном помещении, где предполагалось открытие писарского класса, и затем угостили солдатским жидким-прежидким обедом. На другой день, по распоряжению одного офицера, швейною мастерскою была пригнана нам военная одежда, хранившаяся в подготовленном виде, и фуражки. Там же, по особому заказу, приобретены нами на собственный счет красивые (фельдфебельские, как впоследствии оказалось) кушаки для украшения. Мы, одевшись таким образом, уже по военному, выглядели, как нам воображалось, молодцами, и в таком виде щеголяли по городу.

Через два-три дня после нашего приезда в Смоленск последовало распоряжение высшего начальства о расформировании писарских классов. Поэтому мы были отправлены обратно, в распоряжение того же Дорогобужского уездного военного начальника, к которому и вернулись тем же путем, без всяких приключений, очутившись опять у себя дома. Некоторые дорогобужане завидовали стечению таких обстоятельств, говоря: «Вот счастливы! Наши сыновья за тыщи верст служат, среди разных

иноверцев да инородцев, а вы вот здесь, у своих родителей».

У воинского начальника, где мы должны были проходить свое положенное обучение вместо писарского класса, мы были распределены таким образом, что каждый из нас, учеников-новобранцев, находился под руководством и наблюдением старого опытного писаря, обязанного передать нам свои познания.

Началась первая военная служба в небывалой для нас обстановке. Сразу чувствовалась строгость, пахло, как говорится, дисциплиной. Требовалось, прежде всего, при работе в канцелярии по письмоводству соблюдение каллиграфии. Скоропись отнюдь не допускалась, строго преследовалась. На первых порах мы часто писали под диктовку самого воинского начальника, старого седоволосого брюзгливого крикуна-полковника. Воспроизводили каждую букву отдельно одновременно все пишущие. Например, чтобы написать малую букву «а» следовала команда «рааз!» – мы выводили первую часть буквы «о», затем «два!» – вторую «l» и таким образом получали «а» и т.д. все буквы до написания полного слова. Отставать, плохо писать или забегать вперед не дозволялось. Виновный в неисполнении сего наказывался грубою бранью, сажанием в карцер (на арест), назначением для стояния под ружьем.

Проходя такую своеобразную письменную науку, мы в то же время учили словесность, военные приемы, правила канцелярского делопроизводства, грамматику, арифметику. Эти практические занятия продолжались 4-5 месяцев. Затруднений в усвоении задаваемых предметов не было,

и нам вскоре затем были даны обязанности исключительно одни канцелярские, кои требовалось вести самым аккуратнейшим образом, не спеша выводя букву в букву, не допуская ни помарок, ни малейших загрязнений. Я под руководством старшего писаря из тамбовцев, к коему сразу же был назначен, ведал писанием приказов, испещренных, по заведенному исстари порядку, параграфами да разными литерами, вел книгу прихода и расхода денежных сумм, инвентаря и материалов. Работа моя выполнялась правильно и аккуратно, за что не раз получал начальническую похвалу.

Целый год проведен был в роли писарского ученика. Мы были основательно подготовлены в деле военной премудрости. Положенный срок окончился, и мы, согласно изданному распоряжению властей, отправились в Москву для держания экзамена. После непродолжительного пребывания в дороге (около 300 верст) прибыли в первопрестольную. С Брестского вокзала пришлось путешествовать по бесконечным городским столичным улицам, идущим вдоль и поперек и в разные концы.

Великой и чудной показалась мне тогда Москва-матушка. То туда, то сюда беспрерывно грохотали по мостовым разные экипажи и простые телеги. Люди все куда-то спешили, суетились, как будто у каждого из них случилось какое-то происшествие, беда, несчастье.

Добравшись, наконец, после длинной дороги до назначенного места – Крутицких казарм, мы были размещены в них для временного пребывания на обычных солдатских нарах. После дневного отдыха предстали пред особой военной комиссией, назначенной для проверки наших познаний. Начались испытания: «почему», «отчего», да «как» и т.д. Какое-то волнение одолевало. Думалось: вот провалюсь. Долго-ли до неудачи. Срезать при желании всегда можно и тогда – марш в строй! Но, однако, всем нам, «школярам», удалось без затруднений ответить на все задаваемые вопросы и выполнить пись-

**Вильна. Западная часть города с р. Вилией.
Фото С.М. Прокудина-Горского, 1912 г.**

менную работу. После этих экзаменов мы были возвращены обратно в Дорогобуж, будучи довольными своим успехом, и благополучно прибыли на прежнее место. Военский начальник, узнав о результате наших экзаменов, остался весьма довольным, поблагодарил всех за хороший успех.

Через несколько дней после приезда из Москвы состоялось назначение нас на писарские должности, согласно особому циркуляру Главного Штаба. Я был назначен в Штаб Виленского военного округа, в г. Вильну. Это было в конце 1889 г., т.е. через год после призыва. После недолгих сборов, я, распрощавшись со своей семьей, прочими родными, знакомыми и друзьями-приятелями, отправился в путь-дороженьку для выполнения предстоящих обязанностей среди новых, незнакомых мне людей.

В Вильну – на место своего назначения – я прибыл на другой день после отъезда со своим товарищем-однокашником, назначенным в интендантство. Окружной штаб, куда я прибыл вечером на извозчике без затруднений прямо с вокзала, помещался в большом, старинном, каменном, двухэтажном доме, принадлежавшем некогда магнату королевско-польских времен графу Пацу. Меня встретили весьма дружелюбно писаря, знав-

шие заблаговременно о моем к ним назначении. На следующий день явившись, как подобает подчиненным, к начальству, я был назначен для занятий в хозяйственное отделение Штаба, которым заведовал капитан Куторга (сын известного профессора Куторги), человек, как впоследствии оказалось, весьма добрейшей души, высокой нравственности. Здесь я начал службу уже в роли настоящего писаря, прошедшего необходимый для этой должности курс.

Занятия в штабе проходили с 10 часов утра до 4 часов по полудни, как и во всех учреждениях города. Помещение для жилья было там же, в штабном здании.

В свободное от службы время прежде всего я счел долгом ознакомиться с городом, эту старинную литовскую столицу.

Этот город, получивший название Вильна от реки Вилия, расположен по большей своей части в низменности, окруженной холмами, поросшими лесом разной породы: дубом, кленом, березою, сосною, елью, осиною и прочими. Почти в центре города сохранилась так называемая «Zamkowa gora» (Замковая гора) с уцелевшей на ней башней (правда, отчасти реставрированной) и частью крепостной стены – остатков бывшего замка литовского князя Гедимины.

Вид с этой горы во все стороны замечательный, привлекающий особое внимание каждого туриста. Я с большим удовольствием любовался чудными окрестностями города. Приятно было провести на этой исторической горе время, слушая там же доносившиеся звуки стройной военной музыки из уютных скверов, расположенных у ее подошвы, среди густой зелени.

Затем исподволь я обошел окрестности. Путешествуя по ним ... [неразб.], как говорится, лицом к лицу с прелестнейшими видами, которыми раньше интересовался издали. Тут были разнообразные возвышенности, конусообразные, напоминающие сопки (под Н. Вилейском), стройные леса, приведенные в некоторых местах в порядок, дома-дачи, щеголявшие один пред другим своими украшениями, и просто хозяйские хаты-особняки, но построенные все же со вкусом, извилистые реки Вилия и Вилейка и т.д. Словом, все это – разнообразнейшие картины, ласкающие глаз, веселящие сердце. И недаром виленцы, как я потом постоянно наблюдал, целыми большими группами, отдельными семьями и поодиночке отправлялись туда, в занимательные окрестности, для всевозможных развлечений, забав и просто для отдыха на лоне природы.

Замечательны также были картинки торжественного шествия в ночь под Ивана Купалу (24 июня старого стиля). В этот вечер, при наступлении темноты, собиралась за городом вверх течения р. Вилии большая масса людей, но организованным порядком. Там они усаживались на приготовленных больших и малых лодках, украшенных цветами, разноцветными фонариками на укрепленных возвышениях лодок, а затем вся эта флотилия плыла вниз по течению реки с дружными и стройными песнями, разнообразною музыкою, выпуская по дороге в то же время ракеты, делавшие в воздухе красивые рисунки, разноцветные огоньки. Весь этот церемониал собирал на берега реки огромное количество зрителей, интересовавшихся таким редким и приятным зрелищем и приветство-

**Вильна. Общий вид с запада.
Фото С.М. Прокудина-Горского, 1912 г.**

вавших участников шествия одобряющими возгласами: «браво!», «бис!» и т.д.

Но, возвращаясь обратно к разговору о службе. На первых порах, по определении меня в штаб, на меня было возложено исполнение мелкой канцелярской работы, которой оказалось не весьма много. Это продолжалось около полугода. Затем исподволь, по изучении делопроизводства отделения, мне поручено было вести таковые самостоятельно. Служба, в общем, шла, как говорится, чинно и спокойно, без особых трудностей. В обращении со стороны начальства чувствовалась или, верней сказать, выражалась вежливость, как-то просто-таки забывалось, что находишься в роли нижнего чина, обязанного повиноваться лишь и «не разглаговльствовать».

В отношении снабжения нас, писарей, насущными предметами также проявлялась особая забота: выдавалась хорошая пища, усиленное жалованье, предпраздничные наградные, обмундировочные деньги в достаточном количестве и прочее. Время от времени устраивались в штабе музыкально-танцевальные вечера. Одним словом, ни обиды, ни скуки не было,

и тем более еще, что под самым боком, на расстоянии 2-3 мин. хода, был зимний театр с лучшими артистическими силами и тут же для желающих получить духовную усадлу величественный соборный храм, где все было обставлено художественно-солидно и где в угоду публике, наполнявшей постоянно храм, давалось все наилучшее: прекрасное, возвышающее душу пение хором 2050 человек-специалистов, церемониал, изысканные речи лучших ораторов, будящих совесть человека и т.д.

В летние жаркие дни мы, писаря, переселялись в ... [неразб.] дворе сад, где устраивались в палатках. Весело проводили там время, находясь на свежем воздухе, хотя такое переселение было лишь на время ремонта и окраски здания, которые производились ежегодно.

По прошествии первого года службы я был произведен в «старшие» с назначением постепенно в виде поощрения сначала среднего, а затем высшего оклада жалованья. Такое повышение по службе меня радовало, в особенности тогда, когда я имел возможность украсить свой воротник и рукава сюртука (у нас были сюртуки штатского образца) позолоченным

галуном, а погоны – серебряными светло-блестящими нашивками.

В таких благоприятных условиях незаметным образом протекли следующие два года. 28 декабря 1892 года я получил последнее повышение за службу назначением в военное время на зауряд-классную должность, а через три дня после того, т.е. 31 декабря того же года уволен с перечислением в запас.

По заведенному в штабе порядку, я был снабжен достаточной денежной суммой на приобретение комплекта штатской одежды, а также на расходы в пути.

Итак, я расстался с данным военным учреждением, со своими симпатичными разноплеменными сослуживцами: великороссами, белорусами, хохлами и т.д., храня о них постоянно добрую память.

Железнодорожная служба (1893-1921 гг.)

После увольнения меня с военной службы ехать на родину не было никакого расчета и смысла: слишком уж дали себя почувствовать последние тяжелые домашние условия жизни. Поэтому я, обсудив детально этот вопрос, остался на месте, в Вильне, где и устроился на службу в Управление Полесских железных дорог с 15 января 1893 года.

Железнодорожная служба принесла мне немало забот, хлопот, даже горя и весьма мало радости. В самом начале ее как-то чувствовалось холодное веяние со стороны сослуживцев, державших себя свысока, напыщенно. Требовалось немало времени до того момента, когда отношения друг к другу стали более сносными, шероховатости сгладились. И это произошло, главным образом, после того, когда состоялся уход со службы некоторых недоброжелательных, бесхарактерных лиц, страдавших манией величия. В дальнейшем же служба становилась лучше, и я спокойно продолжал нести ее, будучи несколько раз поощряем.

Так продолжалось до тринадцати лет кряду.

Окончание следует.